

ВЫСТАВКА «ИСКУССТВО ВИЗАНТИИ В СОБРАНИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Выставка «Искусство Византии в собраниях Советского Союза» была открыта в залах Гос. Эрмитажа с 26 сентября 1975 г. по 8 февраля 1976 г. На ней было представлено более 1400 экспонатов (включая монеты и моливдовулы) из различных музеев и библиотек. Это первая экспозиция такого масштаба, организованная в нашей стране. По охвату материала она могла бы соперничать с международными византийскими выставками (Эдинбург—Лондон, 1958; Афины, 1964 г.).

В основу выставки были положены богатые коллекции Эрмитажа. К ним был присоединен великолепный подбор иллюстрированных греческих рукописей из Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ценным дополнением к которым послужили отдельные рукописи из Библиотеки АН СССР), иконы из Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, музеев Московского Кремля, Гос. Русского музея, две энкаустические иконы из Музея западного и восточного искусства в Киеве, «Праздничный ряд» из храма св. Софии в Новгороде. Уникальные произведения малых форм искусства поступили из Оружейной палаты (Московский Кремль), Гос. Исторического музея, Херсонесского историко-археологического музея-заповедника и др. Три ценных экспоната были предоставлены музеями Берлина (ГДР).

Цель выставки — показать прежде всего с возможной полнотой развитие византийского искусства во всех его проявлениях, на всем протяжении его существования путем сопоставления синхронных памятников живописи (станковой и миниатюрной), пластики, разных видов прикладного искусства. Выявляя при этом разнотипные истоки византийского искусства, его связи со странами Запада и Востока, организаторы стремились, по словам В. Н. Лазарева, показать, «какими великими искусствниками были византийцы в области живописи, мозаики, малой пластики, ювелирного дела, эмали и тканей» и насколько велика была роль византийского искусства для развития художественной культуры различных народов.

При ознакомлении с выставкой вставал ряд вопросов широкого плана: роль Константинополя и провинций в сложении византийской культуры, проблема политических, религиозных, культурных и художественных связей Византии с Древней Русью, Закавказьем, странами Ближнего Востока, славянскими странами, Западной Европой в различные исторические периоды.

Материалы выставки позволили осветить не только историко-художественные проблемы, но и некоторые другие темы. Особый раздел был посвящен христианской символике и пережиткам различных культов, отразившихся на вещественных памятниках. Представление о письменности давали надписи на камне и дереве, деловые документы на папирусе, греческие рукописи на пергамене и бумаге (тексты античных авторов, четвероевангелия, медицинский трактат, юридические документы, музыкальные записи и др.). Письмо и художественное оформление рукописей (один из самых замечательных экспонатов — пурпурное евангелие VI в. из ГПБ) — свидетельство высокого мастерства их исполнителей.

Монетная система, карта с указанием монетных дворов и таможен, гири, сельскохозяйственные орудия, межевой столб, документ с межевой записью характеризуют некоторые стороны экономической жизни Византии.

Впервые в экспозицию были введены памятники сфрагистики, позволяющие ознакомиться с административным устройством византийского государства и системой его управления. Материал (за некоторым исключением) подобран в пределах XI в. Вслед за печатями императоров идут печати представителей придворного аппарата, центрального управления, ведомства епарха, областного управления. Отдельно показаны моливдовулы представителей армии и церкви. По мере возможностей печати всех этих лиц, большинство из которых упоминается в письменных источниках, даны в соответствующем иерархическом порядке. Представленная на выставке «табель о рангах» отражает реально существовавшие в XI в. звания, начиная с протоспафария и до севаста. На примере печатей политического деятеля 70-х годов XI в. Филарета Врахамия можно проследить его служебную карьеру. Выставка знакомит также с печатями должностных лиц отдельных фем Востока и Запада с выделением фемы Эллады и Пелопон-

неса (сначала идут моливдовулы правителей двух самостоятельно существующих фем, а затем — объединенной фемы).

Вводный раздел экспозиции был посвящен корням византийского искусства: на выставке параллельно освещались художественные традиции Рима, эллинистического Востока и варварского мира. Здесь были выставлены некоторые фаямские портреты (абстрагирующего направления) и палмирские рельефы-надгробия, указывающие на роль восточных провинций в формировании византийского искусства. Позднеримские скульптурные портреты, фрагменты саркофагов, различные раннехристианские памятники (глиняные и бронзовые светильники, фрагменты стеклянных сосудов, геммы и пр.) давали представление о художественных традициях Рима. На нескольких более поздних памятниках (золотых украшениях, происходящих из Северного Причерноморья и Северного Кавказа) прослеживалась роль варварского начала в сложении византийского прикладного искусства. С особенной яркостью это можно видеть на археологических комплексах Боспорского царства из Керчи, среди которых центральное место было отведено известному серебряному блюду-мисорию с конным изображением Констанция II. Эту же тему в другом аспекте иллюстрировал знаменитый клад, вернее — погребение, из Концепти (на правом берегу р. Прута) конца IV — начала V в., в состав которого входят как образцы высокохудожественной позднеримской-ранневизантийской торевтики (с мифологическими сюжетами), так и предметы, характерные для варварской периферии.

В первом, собственно византийском, разделе выставки ведущее место занимали иконы «Богоматерь с младенцем» и «Сергий и Вакх». Первая из них, возможно, написана в Константинополе, вторая тяготеет к одному из крупных эллинизированных центров на Востоке. Местные стилистические особенности египетского произведения — иконы «Аппа Авраам» (Гос. музеи Берлина) особенно заметны при сравнении с этими двумя иконами. В свою очередь можно усмотреть сходство берлинской иконы с изображением «Аппы Сильвана» на коптской ткани, с одной стороны, и с миниатюрами известной «Александрийской хроникой», с другой.

Судить о ранневизантийской архитектуре и монументальной живописи можно было лишь по известному бронзовому лампадофору в виде базилики, капителям из херсонесских храмов, копиям равенских мозаик. Лишь один подлинный фрагмент мозаики — фигура Иосифа из сцены «Рождества Христова» — происходит (по определению В. Н. Лазарева) из Оратория папы Иоанна VII в Риме (705 г.). Представление об архитектуре было дополнено фотографиями памятников.

Со значительно большей полнотой и разнообразием на выставке были показаны малые формы ранневизантийского искусства, резьба по слоновой кости (диптихи и пиксиды), торевтика (большая группа сосудов с изображением муз, относящаяся к грани IV и V вв.), византийские памятники из Перещепинского клада, многочисленные предметы культавого назначения, а также ювелирные изделия, геммы и др.

Художественные ткани, происходящие из Египта, дали возможность проследить эллинистические традиции и постепенную трансформацию образов, художественных приемов и форм, становление местного коптского стиля: именно на коптском материале (стелах, резьбе по кости и дереву, бронзовых изделиях, но, конечно, прежде всего — на тканях) можно было видеть особенности художественной культуры провинции. Древнеегипетские традиции сочетаются с эллинистическими привнесениями, христианство наслаивается на местные верования.

Выделен был также и сирийский материал, далеко не столь богатый, как коптский. Видное место здесь занимало известное серебряное блюдо с ангелами по сторонам креста, группа изделий из резной кости, а также стеклянные сосуды сирийского происхождения, обнаруженные в боспорских погребениях. В качестве провинции фигурировал и Херсонес, число памятников которого для раннего периода (V—VII вв.) довольно ограничено.

Второй этап исторического развития Византии связан с иконоборческим периодом. Иконоборчество, как известно, сыграло большую роль в дальнейшем развитии византийского искусства. Единственными исторически достоверными памятниками этой эпохи явились на выставке монеты и печати. Помимо них были представлены отдельные рукописи, отразившие воздействие иконоборчества, ткани (преимущественно египетского происхождения), среди которых выделялась недавно найденная на Север-

ном Кавказе ткань с изображением птицы, а также предметы, свидетельствующие о контактах Византии со странами Ближнего Востока в VIII—IX вв. В этой связи были экспонированы бронзовые блюда сиро-египетского круга с заметными эллинистическими влияниями, серебряные сосуды с христианскими сюжетами, переработанными несторianaми в Средней Азии, бронзовое кадило с арабской надписью и др.

Наиболее полно был иллюстрирован период расцвета византийского искусства в X—XII вв. В соответствии с ведущим значением живописи в эту эпоху, зрители могли познакомиться не только с иконами, находящимися в экспозиции музеев, но и с обычно не доступными для обозрения миниатюрами рукописных книг. Рядом со знаменитой иконой «Григорий Чудотворец» из собрания Эрмитажа были размещены стилистически родственные ей и более ранние иллюстрации к евангелиям, фрагменты псалтирей и др. Тончайшие по исполнению столичные, точно датированные рукописи, отличающиеся высоким художественным качеством, и как сравнение — рукописи менее искусные, перекликающиеся с провинциальными иконами, в частности с редкими керамическими поливными иконами, которые происходят, по-видимому, из Никомидии.

Рукописи были выставлены и в непосредственном соседстве с фрагментами стеклянных сосудов, расписанных золотом и цветными эмальями. Как известно, византийское художественное стекло почти не дошло до нашего времени и поэтому обломки сосудов, найденные при раскопках в Новогрудке (Западная Белоруссия) в слое XII в. представляют большой интерес. Характер орнамента на стекле походит на украшения рукописей, а приемы исполнения последних находились под несомненным воздействием перегородчатых эмалей. Выставка послужила наглядным подтверждением перекрестных связей различных видов искусства. Наряду с достаточно широко известными византийскими перегородчатыми эмальями был экспонирован русский колт с изображением сирина и грузинская эмаль со св. Георгием. Впервые были показаны фрагменты эмалей, найденные при раскопках в Херсонесе. Небольшой подбор перегородчатых эмалей фиксировал особенности памятников в разные периоды и своеобразия их в различных странах.

Эмали некогда украшали и серебряный реликварий XI в., о прежнем богатстве убранства которого ныне свидетельствует тонкость чеканного орнамента вокруг процветшего креста на оборотной стороне. Рядом с ним был выставлен редкий датированный образец византийской чеканки — ковчег в форме гробницы св. Димитрия с изображением императора Константина Дуки и его жены Евдокии (1059—1061). Тут же находились две ставротеки: согласно преданию, одна из них, «Филофеевская», была привезена из Константинополя митрополитом Алексеем в 1354 г. для великого князя Ивана Ивановича.

Замечательные художественные произведения из бронзы и даже из меди перекалились не только с серебряными образцами, но и с изделиями из слоновой кости: таков, например, фрагмент иконы (?), недавно найденной в Херсонесе, где изображены полуфигуры св. Кира и Лукиана. С большой тонкостью исполнена и икона «Архангел Михаил с предстоящим Иоанном» (также из раскопок в Херсонесе).

Херсонес, как можно было в этом убедиться на выставке, непрерывно пополняет наши музеи и выдающимися образцами византийского искусства. Систематические раскопки, осуществляемые работниками местного музея, при участии Эрмитажа и Исторического музея, более результативны, чем археологические исследования других городов. Благодаря большой работе сотрудника Херсонесского музея Л. Г. Колесниковой в последние годы выявлены многие ценные памятники из старых раскопок.

До нас, как известно, дошло небольшое число образцов византийской скульптуры, среди которых одно из центральных мест на выставке занимал происходящий из Константинополя рельеф с изображением архангела Михаила (Гос. музей Берлина). Со столицей связан и маленький рельеф с полуфигурой архангела. Этим памятникам были противопоставлены провинциальные рельефы из местности Вона на южном берегу Черного моря и из Херсонеса. Не чисто византийский характер носят два более поздних рельефа: св. Георгий (его иконография отразила воздействие крестоносного периода) и евангелист Лука (по-видимому, часть амвона), с заметными итальянскими воздействиями.

Чрезвычайно богато представлена в собраниях Советского Союза мелкая пластика. Она занимала на выставке обширную площадь. Среди изделий из слоновой кости — несколько ларцов так называемого розеточного типа, с обычными персонажами из античной мифологии, музыкантами, танцорами и т. п., а также один ларец со сценами из истории Адама и Евы. Особо высоким качеством исполнения отличается известный триптих с изображением «Сорока мучеников» и святых воинов, а также привлекший к себе внимание проф. К. Вейцмана диптих с Симеоном и Анной, составляющий единое целое с пластинами из Бамберга. Выдающийся интерес представляет рельеф с изображением «Коронования императора Константина VII».

Большое историческое значение имеют находки византийской мелкой пластики в различных пунктах на территории СССР. Так, например, в Саркеле — Белой Веже был найден замечательный гребень из слоновой кости с резными изображениями Геракла (или Давида) со львом и павлином. Из отдельных фрагментов удалось реконструировать розеточный ларец с изображениями животных, птиц, сирина, кентавра и т. п. (находка в Херсонесе). Створка триптиха с полуфигурами святых, ангела и крестом на оборотной стороне, найденная в Волковыске (Белоруссия), по-видимому, провинциального (быть может, даже русского) происхождения: она воспроизводит в несколько огрубленной форме византийский образец.

Все эти памятники, к которым можно было бы присоединить фрагменты пластинок с розетками, обнаруженные в различных местах на русской территории (в частности в Смоленске), важны для установления ареала византийских художественных изделий за пределами империи. Они способствуют и датировке тех многочисленных музейных памятников, исторические судьбы которых неясны.

При раскопках в Херсонесе постоянно находят небольшие пластинки из кости домашних животных с различными резными изображениями, а также стеатитовые изделия. Памятники такого рода занимали на выставке видное место среди других произведений мелкой пластики.

В музеях Советского Союза хранится большое число замечательных камней. Возможно, и сейчас еще не учтены все византийские камни, издавна находившиеся во владении русских церквей и монастырей. Некоторые из них заключены в позднейшие русские оправы, часто с драгоценными камнями и жемчугом. Это — лишние свидетельства русско-византийских связей. Особое место занимали камни и в собирательской деятельности Екатерины II: ее коллекция легла в основу собрания Эрмитажа. Наиболее выдающимся памятником этого искусства, представленным на выставке, является замечательная лапис-лазурь с изображением Христа в рост: красота камня сочетается с высоким качеством исполнения; прекрасна и камея из такого же камня с изображением богородицы на троне, многофигурная сцена «Успение», «Христос в рост» на яшме и др. Все эти памятники хранятся в Оружейной палате в Москве. Немало тонких образцов этого рода находится и в Историческом музее, в музеях старых русских городов. Сопоставление отдельных камней дает основания для предположения об их изготовлении в одной мастерской, а быть может, даже и одним мастером. Особо была выделена группа итало-византийских камней, вероятно, начала XIII в.

Близки к резным камням по манере исполнения свинцовые подвесные печати. Среди большого числа представленных на них иконографических образов, изображений отдельных сцен встречаются искусно выполненные произведения. Этот художественный аспект моливдовулов был особо подчеркнут на выставке: на больших стендах, кроме самих вещей, были помещены также диапозитивы с их изображением. Печати, как исторические источники, получили на выставке второе признание как памятники искусства.

Вопрос о месте изготовления многих камней и печатей очень сложен. Также не решен он и применительно к группе серебряных сосудов (XII—начала XIII в.) со светскими сюжетами, на которых наряду с византийскими ощутимы элементы ближневосточного искусства. Дебаты по поводу их атрибуции продолжались и во время конференции, приуроченной к выставке. И. А. Орбели относил их в свое время к Киликии, В. П. Даркевич предполагает, что они исполнены в Константинополе, а Н. М. Токарский приписывал их центральной Армении. Была выдвинута и малообоснованная гипотеза об изготовлении этих памятников на Руси. Возникло предположение и об их сицилийском происхождении.

Из всего этого ясно, что указанные памятники отразили сложный переплет художественных связей различных народов в эпоху Крестовых походов. Эта тема — скрещение элементов искусства народов Запада и Востока и Византии в XII—XIII вв. — была отражена на выставке и с помощью других материалов: сицилийской резной кости, серебряных изделий и рукописей с миниатюрами, исполненными в Грузии и Армении, некоторых итальянских памятников, связанных с Византией (например, так называемой Тосканской богоматери с житийными сценами из ГМИИ) и др.

Если период формирования византийского искусства и его первого расцвета в VI—начале VII в., а также время сложения его зрелых форм в X—XII вв. были представлены на выставке по преимуществу произведениями малых форм искусства, в том числе и миниатюрой, то для XIII—XV вв. собрания Советского Союза дают богатый и все увеличивающийся (благодаря вновь расширяемому реставраторами памятникам) материал станковой живописи, т. е. икон.

К сожалению, на выставке почти не было образцов монументальной живописи: лишь два разновременных фрагмента фресок из Херсонеса (часть лика богоматери [?] X в. и голова святого, по-видимому, начала XIV в.) и фрагменты стенописи из столицы средневековой Армении — Ани конца XII—начала XIII в.

К началу палеологовского периода (конец XIII в.) относятся несколько рукописей. Одни из них отражают сложение нового стиля (например, ГПБ, греч. 101), другие воспроизводят образцы классицизирующего направления македонского времени (ГПБ, греч. 269), третьи копируют знаменитую Парижскую псалтирь № 139 и др.

К этому же времени В. Н. Лазарев отнесил мозаичную икону «Пророк Самуил» и икону «Христос Пантократор в рост» из собрания Эрмитажа.

На выставке удалось сопоставить шесть мозаичных икон: помимо трех из Эрмитажа, это — известное «Распятие» из Гос. музеев Берлина, «Христос Эммануил» из ГИМ и еще не вошедшую в научный оборот фрагментированную икону «Св. Георгий в рост». Эта последняя была обнаружена Р. О. Шмерлинг среди мусора в одной из церквей в Сванетии и ныне хранится в Институте истории искусств Грузинской Академии наук в Тбилиси. Она прошла реставрацию Т. В. Коваленко в реставрационной мастерской Эрмитажа: после расчистки можно высказать предположение, что икона относится к XII в. Материалом для ее набора послужили цветные камни (лазурит, яшмы, мраморы), а не смальта; для фона использована позолоченная медь. По-видимому, те же материалы применялись и для других мозаичных икон константинопольского происхождения.

Среди многочисленных икон XIV и XV вв., показанных на выставке, были как собственно византийские иконы первой и второй половины XIV в., так и такие, происхождение или стилистические особенности которых дают основание определять их как работы греческих мастеров на русской почве. Широко известны иконы из Музея изобразительных искусств «Двенадцать апостолов», «Благовещение», «Успение», эрмитажные иконы большой «Иоанн Предтеча», «Шесть праздников», «Богоматерь Умиление» и «Христос Пантократор» с ктиторами 1363 г. Менее изученными до недавнего времени оставались «Праздничный чин» из новгородского храма св. Софии и «Спас оплечный» из Успенского собора в Москве: обе они, по всей вероятности, написаны в России. Некоторые иконы, как, например, так называемый «Высоцкий чин» из Серпухова (ныне в ГТГ и в ГРМ), исполнены по русскому заказу в Константинополе. Были экспонированы и работы прославленного Феофана Грека — Иоанн Златоуст из Деисусного чина Благовещенского собора и приписываемая ему «Донская богоматерь» с «Успением» на оборотной стороне (ГТГ).

Наиболее спорным оказался вопрос о принадлежности некоторых икон сербским мастерам: среди них — «Богоматерь Деисусная», по мнению В. Н. Лазарева, сербской работы, так же как «Христос во гробе» и «Деисус» на трех досках, более позднего времени (ГТГ). Пока почти не изучена недавно раскрытая Г. С. Батхелем икона больших размеров «Похвала богоматери» (Гос. музей Кремля) со славянскими надписями, дающими основание для предположения о ее сербском происхождении. Мало известны и редко экспонируются и другие иконы из кремлевских музеев: «Богоматерь Халкопратийская» и «Одигитрия», а также «Иоанн Предтеча в пустыне» (ГИМ), «Воскрешение Лазаря» и «Распятие» (ГРМ). Возможность сопоставить все эти (и некоторые другие) памятники с ранее известными и с одновременными миниатюрами была весьма инте-

ресна не только для специалистов, но и для более широкой публики, проявившей живой интерес к выставке.

Небольшое число произведений прикладного искусства дало представление о специфических особенностях стиля в лицевых изображениях с явными ближневосточными воздействиями в орнаментике. Стиль эпохи отразился и на камеях и особенно ярко — в шитье. Центральное место здесь занял так называемый «Малый саккос Фотия» — великолепный, сложный по своему составу памятник: как показали недавние реставрационные работы в музеях Московского Кремля, в изготовлении этого выдающегося произведения искусства принимали участие, наряду с греческими, и русские мастера.

В особой витрине были сконцентрированы памятники, исполненные в разных странах под византийским влиянием: грузинская икона Георгия, греко-грузинская рукопись, армянская рукопись (значительно изменившая византийские прототипы), итальянский крест с изображением «Стигматизации Франциска Ассизского», итальянская икона с греческими надписями, известная византийская рукопись (ГПБ, греч. 118) XII в. с позднейшими миниатюрами палеологовского времени как греческой, так и итальянской работы. Две копии фресковых росписей из Целенджихи (Грузия) конца XIV в., где работал приглашенный из Константинополя художник Кир Мануил Евгений вместе с грузинскими мастерами, дополняли эту тему художественных связей в период Палеологов.

Выставка завершилась маленьким разделом, в котором было дано представление о перерастании икон в жанровые картины со значительными западноевропейскими воздействиями, о подчас механическом соединении копии с византийской иконы с фигурами итальянских святых, о ремесленном характере терявшей свое прежнее значение поствизантийской греческой живописи.

Экспозиция была развернута в парадных залах Зимнего дворца (Георгиевский, Аполлонов зал и примыкающая к нему галерея). Их освоение для византийской выставки, в которой доминировали небольшие экспонаты, глубоко чуждые декоративному убранству помещений, представляло большие трудности, которые удалось успешно преодолеть художнику Эрмитажа В. А. Павлову. На всех этапах подготовки выставки он работал вместе с ее организаторами (А. В. Банк, В. С. Шандровская, В. Н. Залеская, И. В. Соколова, К. М. Скалон, А. Я. Каковкин), а также с принимавшими участие в устройстве экспозиции сотрудниками Эрмитажа (А. А. Иванов, С. А. Подоксик) — это дало положительные результаты для выявления основных идей выставки.

Византийская выставка привлекла к себе большое внимание и получила высокую оценку со стороны самых разнообразных категорий посетителей. Она явилась значительным событием в культурной жизни страны, ибо на ней побывали люди, живущие в различных местах нашей родины.

Советские и зарубежные специалисты, учащиеся средней и высшей школы, рабочие и служащие, представители советской интеллигенции оставили многочисленные отзывы о выставке.]

«Прекрасно оформленная, с четко и ясно выраженной концепцией, экспозиция не может не радовать всех нас».

«Теперь нет Византии, но ее искусство, великолепные произведения, созданные руками византийских мастеров до сих пор поражают своей красотой и необычайностью» — пишут ученики одной из школ и высказывают пожелание, «чтобы художники, резчики по кости и дереву учились у своих далеких предков».

«Хочется выразить свое восхищение выставкой, такой долгожданной и так прекрасно осуществленной. Все экспонаты демонстрируются как-то особенно выпукло и всесторонне!»

«Создание такой выставки — настоящий научный подвиг. . . Глядя на [изумительные шедевры византийского искусства, можно с особой глубиной почувствовать, что мы посвятили жизнь нужному делу» (З. В. Удальцова, зав. сектором истории Византии, Институт всеобщей истории АН СССР).

«Я видел несколько византийских выставок, но ваша отличается наилучшим показом, наибольшей продуманностью и вместе с тем просто красотой» (крупнейший историк Византии проф. Х. Г. Бек),

В связи с выставкой 6—10 октября 1975 г. в Эрмитаже была проведена научная конференция. В ее работе принимали участие византилисты и представители смежных специальностей из различных городов СССР и зарубежных стран. Программа конференции включала несколько тем: формирование и развитие художественного мировоззрения в IV—X вв., памятники прикладного искусства и миниатюры, взаимодействие Византии и других стран средневековья, идеология и культура палеологовского времени. Было заслушано свыше 40 докладов и сообщений, включая сообщение сотрудницы Хиландарского комитета Сербской Академии наук Г. Бабич.

С 26 апреля по 5 июня 1977 г. выставка была развернута в залах Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. В ее состав в основном входили те же материалы. Однако были и некоторые отличия.]

Наиболее существенным дополнением явились иллюстрированные рукописи Гос. Исторического музея, Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова, Центральной научной библиотеки АН УССР. В экспозицию были включены и некоторые прославленные иконы: «Мученик и мученица» (Музей западного и восточного искусства в Киеве), «Богоматерь Перивлепта» (из Загорского историко-художественного музея-заповедника), «Предста царица» (из Успенского собора Московского Кремля). Вместо иконы «Иоанн Златоуст» из деисусного чина Благовещенского собора Московского Кремля (работы Феофана Грека) была выставлена «Богоматерь».

Декоративные мраморы и произведения коптского искусства (богато представленные в московских музеях), а также некоторые рукописи ГПБ и БАН не были перевезены в Москву. Отсутствовали экспонаты Гос. музеев Берлина. Значительно сокращены были археологические материалы, а также сфрагистика; не были представлены монеты.

Иной характер носила и сама экспозиция. Значительно выиграла (отчасти благодаря условиям помещения) экспозиция живописи. Собранные с исключительной полнотой рукописи с миниатюрами и орнаментацией дали возможность показать не только развитие этого вида искусства в хронологической последовательности, но и дать представление о различных стилистических направлениях. Очень рельефно была выявлена, в частности, придворная константинопольская школа XI в. В известной мере удалось показать различные стилистические группы и в области иконописи. Эстетический аспект в некоторых разделах превалировал над историческим: это отразилось на показе произведений прикладного искусства, где не был выдержан хронологический принцип. Ряд исторических и историко-культурных тем из экспозиции был исключен.

Выставка, в свое время задуманная И. Е. Даниловой, была организована при ее участии О. С. Поповой и М. А. Бессоновой. Коптский раздел экспонировала Р. Д. Шуринова.

К выставке была приурочена научная конференция по вопросам истории византийской культуры, и прежде всего искусства. Она проходила 25—27 апреля 1977 г. и привлекла большое число участников и слушателей. На ней было прочитано 20 докладов. Помимо советских докладчиков (преимущественно из Москвы и Ленинграда), в ней принимала участие Я. Хловачкова (Прага).

В 1977 г. был опубликован богатый иллюстрированный каталог выставки в трех томах, подготовленный при участии большого числа сотрудников музеев, экспонаты которых были представлены на выставке; каталог создан под общей редакцией А. В. Банк и О. С. Поповой, при самом деятельном участии М. А. Бессоновой.

По материалам выставки фотокинолабораторией Ленинградского гос. университета, при консультации А. В. Банк и В. С. Шандровской, был создан кинофильм. Фильм демонстрировался на XV Международном конгрессе византийстов в Афинах (сентябрь 1976 г.). Ныне он является пособием для слушателей лектория Гос. Эрмитажа и студентов Ленинградского университета.

А. В. Банк, В. С. Шандровская